

А. А. Голенищев-Кутузов

Даль зовет

Из воспоминаний скитальца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. А. Голенищев-Кутузов**
Даль зовет: Из воспоминаний скитальца / А. А. Голенищев-Кутузов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-517-96394-9

ISBN 978-5-517-96394-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Если сонъ твой спокоенъ и тихъ,
Если нѣтъ въ твоемъ сердцѣ печали,
Не внимай шепотъ сказокъ моихъ,
Не смотри въ ихъ просторы и дали.
Призракъ счастья не вѣренъ... маня
Онъ не сдержитъ святыхъ обѣщаній
И, въ бреду пробужденныхъ желаній,
Проклянешь ты, быть можетъ, меня.*

*Мои сказки для тѣхъ, въ чьихъ сердцахъ
Нѣтъ покоя и нѣтъ примиренья;
Кто, тоскуя въ житейскихъ потьмахъ,
Неземная зоветъ сновидѣнья;
Кто къ звездамъ, въ голубой небосводъ
Шлетъ призывъ изъ земного тумана—
И за лучъ, за миновенье обмана
Мнѣ признательно руку пожметъ.*

«Не имамы здѣ пребывающаго града».

Посланіе Ап. Павла къ Евреямъ.

«Ich wandle still, bin wenig froh,
Und immer fragt der Säufzer—wo?»

„Der Wanderer“.

I.

Надняхъ узналъ я изъ газетъ о смерти N, чело-
вѣка, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ
случайно познакомился за границей, а потомъ, въ
продолженіе слѣдующей зимы, часто видался въ
Петербургѣ и даже свелъ дружбу. N не принадле-
жалъ къ петербургскому обществу, жилъ въ ме-
блированныхъ комнатахъ, знакомствъ въ городѣ
почти не имѣлъ и, вѣроятно, отъ скуки довольно
часто сталъ заходить по вечерамъ ко мнѣ на ого-
некъ, посидѣть и побесѣдовать въ кругу моей
семьи. Мнѣ нравилась въ немъ полная оторван-
ность отъ будничныхъ и чиновничьихъ злобъ дня,
которыя всецѣло поглощаютъ жизнь коренного пе-
тербуржца. Не будучи самъ ни художникомъ, ни
музыкантомъ, ни литераторомъ, N горячо увлекался
и литературой, и музыкой и живописью, былъ во-
обще очень свѣдушъ по части искусства, много на
своемъ вѣку путешествовалъ и, когда чувствовалъ
себя въ ударѣ, умѣлъ говорить красно и увлека-
тельно. Два предмета, которые мы тогда называли
его коньками, имѣли свойство во всякое время съ
особенной силой возбуждать его краснорѣчіе—му-

зыка Вагнера и Римъ. Бывало, слушая, какъ N вспоминалъ о представленіяхъ Вагнеровскихъ оперъ въ Германіи, или о своихъ пребываніяхъ въ Вѣчномъ городѣ, не замѣчалось, какъ проходилъ вечеръ и часовая стрѣлка забѣгала далеко за полночь. Не прошло и мѣсяца со дня его перваго посѣщенія, какъ X сталъ у меня совсѣмъ домашнимъ человекомъ. Мой старый слуга, Антипъ, пускалъ его безъ доклада, моська спокойно укладывалась храпѣть на его колѣняхъ; всѣ къ нему привыкли, да и онъ самъ, кажется, чувствовалъ себя у насъ, какъ дома.

Пріятныя отношенія эти, однако, продолжались недолго. Въ одинъ прекрасный вечеръ, уходя ранѣе обыкновеннаго, N, какъ ни въ чемъ не бывало, объявилъ, что спѣшитъ домой укладывать вещи и завтра уѣзжаетъ изъ Петербурга.

— Куда?—озадаченно спросилъ я.

— Не знаю еще хорошенько; пока направлюсь въ Берлинъ; а потомъ, вѣроятно, поѣду въ Италію.

— Помилуйте, теперь еще въ Италіи холодъ, февраль мѣсяць.

— Какой въ Италіи холодъ!—скоро фруктовыя деревья зацвѣтутъ.

— Да что собственно заставляетъ васъ ѣхать въ Италію? надобность какая-нибудь встрѣтилась?

— Надобности никакой; просто пора уѣзжать; я и такъ въ Петербургѣ зажился.

Соскучились съ нами?

— Ахъ, нѣтъ, —возразилъ N, —мнѣ въ Петербургѣ было очень хорошо, очень пріятно. Ваше радушное гостепріимство...

— Не въ гостепріимствѣ дѣло,—перебилъ я,— а зачѣмъ вы торопитесь уѣзжать?

Н прищурился, и обыкновенно прямой и ясный взглядъ его принялъ неопредѣленно-блуждающее выраженіе, какъ у человѣка, прислушивающагося во время разговора къ чему-то совершенно постороннему.

— Зачѣмъ тороплюсь уѣзжать?—медленно произнесъ онъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ,— даль зоветъ!— И съ очевиднымъ желаніемъ, прекратить непріятный для него разговоръ, добавилъ:— я уже и мѣстомъ въ спальномъ вагонѣ запасаю.

Признаюсь, этотъ внезапный отъѣздъ Н меня раздосадовалъ и даже показался нѣсколько обиднымъ. Во мнѣ заговорило себялюбіе закоренѣлаго домосѣда, для котораго всякое нарушеніе развѣ принятой привычки является чуть ли не бѣдствіемъ. Развѣ порядочные люди такъ поступаютъ! развѣ позволительно вдругъ, безъ предупрежденія, безъ всякой надобности взять, да уѣхать за границу, бросить людей, съ которыми близко сошелся, у которыхъ былъ принятъ въ домѣ, какъ членъ семьи? съ кѣмъ я буду теперь проводить пріятно свободное отъ службы и свѣтскихъ обязанностей время? И какой глупый предлогъ: даль зоветъ! Какая такая даль и какъ это она зоветъ?

На слѣдующій день я пріѣхалъ проводить Н на вокзалъ Варшавской желѣзной дороги не столько для того, чтобы оказать ему любезность, сколько съ цѣлью добиться болѣе обстоятельнаго объясненія. Но объясненія я никакого не добился. Н явился на станцію передъ самымъ отходомъ поѣзда, горячо

благодарилъ меня, суетился и на всѣ мои вопросы или отшучивался, или отмалчивался.

— Будете ли мнѣ хотя писать? — спросилъ я, когда послѣ третьяго звонка, пожимая мнѣ руку, N входилъ уже въ вагонъ.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ онъ и хотѣлъ еще что-то добавить, но кондукторъ шумно захлопнулъ дверь, локомотивъ вздохнулъ и поѣздъ тронулся.

II.

Болѣе трехъ лѣтъ спустя, когда я уже началъ совершенно забывать о существованіи моего невѣрнаго пріятели, получилъ я наконецъ отъ него письмо, помѣченное Римомъ и посылку, развернувъ которую, я нашелъ четыре весьма неровной толщины тетради, исписанныя мелкимъ убористымъ почеркомъ. Онѣ содержали въ себѣ нѣчто въ родѣ автобіографіи N, въ видѣ обращенныхъ ко мнѣ отъ его имени разсказовъ, носившихъ каждый особое заглавіе. Согласно данному мнѣ авторомъ въ письмѣ разрѣшенію, я печатаю эту рукопись. Она можетъ показаться любопытной, какъ откровенное и, кажется, вѣрное самоопредѣленіе чловѣка, принадлежащаго къ довольно распространенному на Руси типу переходнаго времени, то есть второй половины девятнадцатаго столѣтія. Отъ болѣе подробнаго опредѣленія этого типа я воздерживаюсь, предоставляя это сдѣлать самому читателю.

III.

Въ своемъ письмѣ N писалъ мнѣ слѣдующее:

«Уѣзжая изъ Петербурга, я далъ вамъ слово писать; но нѣкоторыя обстоятельства до сихъ поръ препятствовали осуществленію этого намѣренія. Теперь, хотя поздно, но исполняю обѣщаніе, тѣмъ съ большей притомъ охотой, что, чувствуя себя нѣсколько передъ вами виноватымъ, хотѣлъ бы не то что оправдаться, а объясниться и хотъ отчасти отвѣтить на вашъ настоятельно-дружескій вопросъ: зачѣмъ я такъ внезапно покинулъ Петербургъ, безъ всякой сколько-нибудь уважительной видимой причины? Когда я встрѣтилъ васъ на вокзалѣ и понималъ, что вы искренно опечалены моимъ бѣгствомъ и даже какъ будто на меня за него сердитесь, у меня мелькнула въ головѣ мысль: не остаться ли? Можетъ быть я бы и остался, если бы не принадлежалъ къ породѣ тѣхъ неизлечимыхъ и неисправимыхъ бродягъ, которыхъ, чѣмъ волка, какъ ни корми—все его въ лѣсъ тянетъ! Для здравомыслящаго и уравновѣшеннаго человѣка, какъ вы, обладающаго теплымъ насиженнымъ гнѣздомъ и семьей, имѣющаго при томъ опредѣленное дѣло, или, какъ говорится, цѣль въ жизни, это бродяжничество, конечно, должно казаться страннымъ, непонятнымъ, даже предосудительнымъ; но что же дѣлать! Противъ природы не поидець. Какимъ я былъ въ юности, такимъ остаюсь и понынѣ, когда приближающаяся старость властно прорывается сѣдиною въ

головѣ и скукою въ мысляхъ; по всей вѣроятности, не измѣнюсь я и до конца моихъ дней.

Послѣднее мое пребываніе въ Петербургѣ, сближеніе съ вами и вашей милой семьей, вечера, проведенные въ вашемъ уютномъ кабинетѣ, въ мягкихъ, покойныхъ креслахъ, передъ пылающимъ каминомъ, при свѣтѣ дремлющихъ подъ длинными цвѣтными абажурами лампъ, наконецъ, наши мирныя, хотя подчасъ и очень оживленные бесѣды и поздніе ужины, приводившіе въ такое раздраженное состояніе вашего вѣрнаго Антипа—все это, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни заставило меня усомниться въ самомъ себѣ; бывали даже мгновенія, когда я, залюбовавшись вашимъ спокойнымъ домосѣдствомъ, спрашивалъ себя, не въ немъ ли могу и я найти свое счастье? Но достаточно мнѣ было окончательно и ясно поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы безъ всякаго колебанія, также ясно и окончательно (конечно, имѣя въ виду не кого либо другого, а только себя)—отвѣтить: нѣтъ!

И какъ только я себѣ это отвѣтилъ, такъ тотчасъ же и затосковалъ въ Петербургѣ. Притягательная сила вашего гостепріимнаго дома сначала ослабла, а затѣмъ и совсѣмъ исчезла. Въ воображеніи стали опять и опять рисоваться другіе люди, другія страны, подъ другимъ небомъ и солнцемъ... Я не выдержалъ! Выправилъ заграничный паспортъ, купилъ желѣзнодорожный билетъ и пошелъ съ вами прощаться. Помните, какъ вы удивились, и какъ на желаніе ваше получить отъ меня объясненіе моего страннаго поведенія, я сумѣлъ отвѣтить только двумя словами: даль зоветъ.